

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.16-31"1990"

DOI 10.52928/2070-1608-2025-74-2-2-6

ВОЕННАЯ ПОВЕСТЬ И. НАУМЕНКО 1990-х гг.: ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ

канд. филол. наук, доц. Т.Р. БОГОРАДОВА
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
e-mail: t.baharadava@psu.by

Статья отражает идейно-эстетические доминанты повестей 1990-х гг. о событиях Великой Отечественной войны в творчестве классика белорусской литературы И. Науменко. В постсоветской действительности с позиций умудренного опытом человека писатель переосмыслил военные реалии. Художник и в пространстве постсоветского времени оставался верным своим морально-этическим принципам и художественным приемам. В его манере письма традиционно доминируют автобиографические моменты, которые перемежаются с идеалами прошлого и вниманием к социализации личности в изменяющихся условиях исторического бытия.

Ключевые слова: «потерянное поколение», автобиографизм, психологическое начало, элегическое повествование, лиризм, минорность.

Введение. В отечественной литературе Иван Науменко (1925–2006) представляет авторов, в реалистической прозе которых доминирует лирико-психологическое начало. Являясь в прошлом участником подполья, партизаном, бойцом Ленинградского и Украинского фронтов, писатель соединяет в своем творчестве два начала: принадлежность к старшему поколению, мировоззрение которого формировалось под влиянием опыта военной юности, и воздействие «оттепели» 1960-х гг. Результатом такого жизненного опыта стала сильная внутренняя личная позиция художника, который там, где речь идет о важнейших ценностях, не увлекается поспешным принятием непроверенных недостоверных, пусть и популярных, фактов и решений. И. Науменко как писатель неоднократно говорил о своей творческой приверженности к автобиографизму: «В этом, даже, вижу свою творческую судьбу, ведь легче всего мне пишется о том, что видел своими глазами, или сам пережил, или хорошо знаю из чужих слов. Именно эти знания я считаю самыми важными и значимыми для моих книг. <...> В своей жизни я, конечно, многое видел: был на войне и в партизанах, много ездил, знаю многие местности. И в своем творчестве я опираюсь только на свой опыт, на то, что слышал, что видел, в чем непосредственно принимал участие» [1, с. 115] [здесь и далее перевод с белорусского языка наш. – Т.Б.].

Актуальность исследования заключается в прослеживании эволюции идейно-эстетических исканий И. Науменко в жанре повести периода 1990-х гг. Целью данной работы является анализ в повестях И. Науменко 1990-х гг. содержания и поэтики событий Великой Отечественной войны с позиции переосмысления её писателем в обстоятельствах постсоветского контекста; задачами данного исследования стало определение идейно-эстетических концепций раскрытия военной темы И. Науменко на рубеже XX–XXI вв., выявление художественной специфики отражения контекста Великой Отечественной войны в авторских повестях. Объектом исследования выступают военные повести И. Науменко периода 1990-х гг. Предметом исследования в статье являются формы переосмысления писателем событий Великой Отечественной войны в свете постсоветской действительности.

Теоретическим переосмыслением военной темы в постсоветский период в отечественном литературоведении занимались ученые, чьи идеи составляют основу методологии данного исследования: М. Коваленко [2], А. Мартинович [3], Л. Олейник [4], Л. Синькова [5], [6], М. Тычина [7], И. Шелодонов [8], и др.

В основе методологии данной работы – культурно-исторический метод, а также элементы контекстуального анализа произведения, что делает возможным прослеживание эволюции в жанре повести И. Науменко периода 1990-х гг.

Основная часть. Трилогия из повестей «Детство» («Дзяцінства») (1991), «Подросток» («Падлетак») (1993), «Юность» («Юнацтва») (1994) была создана И. Науменко после опыта написания масштабных произведений, прежде всего, трилогии хрестоматийных романов 1960–1970-х гг.: «Сосна у дороги» («Сасна пры дарозе»), «Ветер в соснах» («Вецер у соснах»), «Сорок третий» («Сорак трэці»). Замысел новой трилогии был вызван в немалой степени изменениями идеологической парадигмы в обществе и разрушением бывших официальных канонов в литературном творчестве. Суть позиции писателя в данный исторический период обозначила Н. Пыско: «В этой новой литературной ситуации И. Науменко остался верен себе, не поддавшись искушению того своеобразного художественного эгоцентризма, который захватил едва ли не большинство писателей-современников» [9, с. 655]. Обращение авторитетного прозаика к темам и проблемам общественной значимости И. Шелодонов определил как олицетворение «ответственной исповедальности Ивана Науменко перед потомками, прежде всего молодым поколением» [8, с. 437].

Своеобразным ядром трилогии повестей прозаика выступает бытие человека, которое писатель понимал как неотъемлемый элемент микрокосма и, одновременно, органическую часть вселенной. Л. Синькова отмечала, что в этой трилогии «жизнь выглядит как странный контрапункт, в котором сочетается, кажется, несочетаемое, и светлое, и темное» [5, с. 76]. На фоне доминирующего внимания к народу как массе автор стремился подчеркнуть индивидуальность человека. В творчестве писателя периода 1990-х гг. создается психологический портрет героя, который обращается к своей совести и внутреннему «я». И. Науменко нарисовал углубленный психологический образ мальчика-белоруса, который вырастает в подростка и юношу, причем проходит процесс самопознания и эволюцию мышления в атмосфере реального сложного драматического бытия. Это индивидуализированный образ рефлексивного времени и его катастрофами. Вместе с тем главный герой является типичным персонажем, ведь воплощает судьбу целого поколения.

Жанрово-стилевая специфика повестей писателя в значительной степени связана со зрелыми формами авторского повествования. В повестях «Детство» и «Подросток» прозаик придерживался рассказа от имени третьего лица в форме настоящего времени. Благодаря этому логика событий очень естественно передавалась в соответствии с уровнем развития психологического состояния ребенка-подростка, с которым читатель начинает знакомиться с семилетнего возраста. По словам Л. Олейник, «само название трилогии И. Науменко подчеркивает, что в работе <...> автор сознательно ориентировался на художественные образцы русских классиков, прежде всего – Льва Толстого. Но по своей основе (не только по сюжетным перипетиям, повествовательной манере, творческим приемам и художественным акцентам, но, главное, по своей историко-ментальной сущности) это произведение самобытно и оригинально» [4].

В триптихе «Детство», «Подросток», «Юность» нравственная оценка и осмысление событий войны изменяются от возвышенно-восторженного до осознанного: «*Почему ты, дед, не был на войне? – Лихо на нее, на ту войну, внучек. Ничего хорошего там нет. Смерть, убийство*» [10, с. 26]. С течением времени в творческой манере писателя происходит смещение акцентов в сторону жестоко-реалистичного показа смерти «парней-ровесников» на войне. По словам П. Васюченко, такое представление «генетически связано с той традицией, которую заложили в мировой литературе Стендаль, Л. Толстой, Э.М. Ремарк, А. Барбюс, М. Горький, Э. Хемингуэй, Ю. Бондарев, В. Быков» [10, с. 701].

Одной из характеристик ранней прозы И. Науменко стало оптимистическое мироощущение. Например, в знаменитом рассказе «Семнадцатой весной» («Семнадцатой весной») (1956) о жизни белорусских подростков под оккупацией присутствует юмор и самоирония, характерные для темы прощания с детством, с книжными иллюзиями. В. Коваленко писал о И. Науменко: «Он больше оптимист, чем пессимист, потому что как писатель демократических убеждений больше всего верит в народную энергию жизнотворчества, чем в интеллигентскую» [2, с. 11]. И действительно, герой И. Науменко стал самым выдающимся из образов тех вчерашних советских школьников, которые становились отличными бойцами и приходили к выработке собственных взглядов не только на войну, но и на жизнь в целом.

Сама тема инициации на войне связывает повести И. Науменко с плодом европейского «потерянного поколения», возмужавшего на фронтах Первой мировой войны. Это дало основания Л. Синьковой заметить: «И ничем, как только инерцией воздействия бывшей советской цензуры на трактовку белорусской автобиографической прозы “военных” авторов, мы не можем объяснить столь малочисленное присутствие белорусских имен в самом идейном комплексе “потерянного поколения”, в славной когорте тех писателей, которые изобразили войну с точки зрения вчерашнего школьника» [6]. Вместе с тем в повестях писателя о Великой Отечественной войне была и та специфика, что отличала его мировоззрение от позиций зарубежных предшественников. Герой И. Науменко понимает свою освободительную миссию и солдатский долг. Н. Пыско отметила: «И это кардинально отличает его поколение от “потерянного поколения” Первой мировой, у представителей которого не было ответа на вопрос, ради чего они оказались на бессмысленной кровавой бойне в центре “цивилизованной” Европы» [8, с. 662].

В трилогии создан образ крестьянского парня, который на первых этапах жизненного пути недостаточно полно понимает общественные явления, но стремится дать им свою оценку. Его сознание фиксирует события коллективизации, раскулачивания, сталинские репрессии, военные действия. Понимание нарратором исторических реалий проявляется опосредованно, через восприятие третьих лиц, или поверхностно, с позиций подросткового несформированного сознания. В повести «Подросток» взросление Василя происходит вместе с изменением политической и исторической ситуации. И. Науменко создал своеобразную военную преамбулу, интерпретируя события начала Второй мировой войны и войны с Финляндией через субъективное и бессознательное отношение лирического героя: «*Во всяком случае, о реальной войне Василь не думает или думает очень мало*» [9, с. 268]; «*Василь считал войну с Финляндией несерьезной. Сколько тех финнов*» [9, с. 269].

Повесть «Юность», близкая по мотивам к роману И. Науменко «Печаль белых ночей» («Смута белых ночей») (1979), отразила жизнь Василя Войтика в годы Великой Отечественной войны. Фронт начался для парня-партизана мобилизацией во время освобождения Беларуси и голодом в запасных воинских частях, затем были бои на Карельском перешейке и служба в качестве полкового разведчика и переводчика. Автобиографический герой участвует в освобождении Восточной Пруссии и встречает победу в Верхней Силезии. Несмотря на двадцатилетний возраст, в повести «Юность» персонаж И. Науменко является личностью полностью сформированной. Личностный рост позволяет Василю с позиций рядового участника военных событий дать адекватную оценку ситуации и положению на фронтах. Прозаик правдиво нарисовал рейды истребительного батальона, в который попадали школьники

с бутафорскими учебными винтовками, когда нужно было уничтожить немецких парашютистов и шпионов в первые дни войны; объективно показал отношение фашистов к населению во время оккупации, изобразил политическую ситуацию в стране, отметил трудности жизни партизан в осеннем и зимнем лесу. На примере председателя Мигайлы, группы летчиков-разведчиков, самого Василя Войтика писатель показал дальнейшую судьбу солдат и отношения «Смерша» к тем, кто во время боевых действий пропал без вести, вынужденно перешел линию фронта, был под оккупацией, отстал от своих или потерял документы. Писатель в повести «Юность» убедительно изобразил военный быт: сложности с обеспечением боеприпасами, постоянное ощущение голода, бессонницу и, вместе с тем, – смекалку, ум, молодую силу честного бойца. Л. Синькова отмечала: «Еще одна тема, которая повторяется в произведениях И. Науменко – это тема потерянной молодой любви, потерянного времени для интенсивной учебы, для того светлого в жизни, что пришлось признать безвозвратно отобранной войной. Психологически глубоко, тонко сказал об этом именно И. Науменко – в отличие от тех белорусских авторов, которые писали о “потерянном поколении”, прежде всего, как об убитом, замученном, духовно искалеченном» [6].

Произведения И. Науменко отмеченного периода характеризуются отсутствием претензий на философичность. По словам М. Тычины, «писатель обдуманно избегает философствования, которое может показаться неестественным в условиях жизни, когда сама жизнь может оборваться в любое мгновение» [7, с. 385]. В триптихе «Детство», «Подросток», «Юность» взросление главного героя происходит под влиянием обстоятельств и проходит эволюцию вместе с изменением авторского миропонимания, так как во время создания этих повестей прозаику было около семидесяти лет. В художественном наследии И. Науменко традиционно отмечается система разнообразных повторений, вызванных автобиографическим характером творчества. По словам И. Бовтрель, «большинство исследователей соглашается с тем, что повторение в обращении к определенной теме, герою, факту, способу подачи материала и т.д. связано с их переосмыслением, переоценкой» [9, с. 786]. Время определения новых ракурсов и природа автобиографизма писателя стали главными причинами для переосмысления событий. По выражению Н. Пыско, «этой особенностью художественной манеры и художественной индивидуальности И. Науменко типологически близок старшему собрату по перу У. Фолкнеру» [9, с. 668].

В художественно-эстетическом плане очевидно также обращение прозаика к эпической традиции Я. Коласа, что наиболее полно проявилось в отмеченной автобиографической трилогии. В повести «Гостиница над Припятью» («Гасцініца над Прыпяццю») (1994) – осмыслением последствий катастрофы – И. Науменко придерживался элегически-минорного строя повествования. Продолжением упомянутой выше автобиографической трилогии стала и повесть «Любимый город» («Любімы горад») (1996). В этом произведении отражение жизни многогранное, но тон повествования тоже грустный. Писатель объяснил изменения настроения, модальности в своей прозе следующим образом: «Я писал последнюю свою повесть из биографического цикла – «Любимый город» – и чувствовал (пишешь не умом, а чувством, подсознанием), что где-то все-таки минор, скучно. Почему скучно? А потому, что те ребята, с которыми я радовался, мечтал, которых я знал, – они же не вернулись. И вот этот налет – я теперь уже и умом дошел – лежит на этой повести... Словом, война есть война, жестокая, кровавая» [12, с. 5]. Повесть «Десятый класс» («Дзясяты клас») (1998) продолжила идейно-тематическую линию показа поколения, жизнь которого после военных испытаний не улучшилась, а шла в русле выживания, борьбы с невзгодами и поисков своего предназначения. И. Науменко на исходе жизни, в конце 1990-х гг., работал еще над одной повестью – «Помни Сталинград» («Помні Сталінград») (2000). Образ главного героя Ивана Дрозда по возрасту и художественному наполнению символически приближен к образам Василя Войтика и Гриши Ладутенко; он, традиционно для писателя, олицетворяет молодое поколение, идеалы которого закалялись в период военных испытаний.

В указанных произведениях варьируется несколько подобных мотивов. Один из них – мотив памяти, возвращения к прошлому, пережитому. Бывший художник Андрей Ивашко из повести «Гостиница над Припятью» по разным причинам несколько раз возвращается в места своей молодости, переосмысливает пережитое: «*в прошлом году, не навещаясь в город на Припяти, Ивашко проехал по местам, по которым они, двое друзей-товарищей, направлялись в сорок первом на Чернобыль. Нет школьных друзей: погибли на фронте*» [13, с. 3]. Василь Войтик из повести «Любимый город» вспоминает войну, по-новому осмысливает события и также стремится к возвращению в прошлое, нарочно проходит партизанскими тропами.

В повестях очевиден мотив влияния социальной среды на судьбу человека, ибо в произведениях И. Науменко личность всегда выступает как социально-исторический феномен. Во время войны и в мирной жизни писатель считал социальный контекст доминантным, самым важным фактором в реализации личности. Главные герои повестей «Гостиница над Припятью» и «Любимый город» имеют схожую судьбу: они взрослеют под влиянием обстоятельств военной и послевоенной действительности, проходят учебу в институте, имеют отношения с людьми разнообразной среды, переживают разочарования в интимной сфере. Глубоко раскрываются метаморфозы человеческого настроения: от послевоенной эйфории, рожденной Великой Победой, до состояния пессимизма и недовольства дальнейшей жизнью. Прозаик в повести «Гостиница над Припятью» привел Андрея Ивашко в родные места и дал возможность понять диалектику жизни и согласиться с ней, так как белорусы должны были после войны переживать еще много испытаний, в том числе и Чернобыльскую катастрофу: «*Да, все на свете меняется, только необязательно в лучшую сторону*» [13, с. 38].

Повесть «Любимый город» вновь проводит нарратора путем разочарования в былых мечтаниях: «*Но почему-то не слишком весело. <...> Праздник не состоялся. <...> Нет взаимного примирения, согласия, всепрощения, которое только и может наступить после такой огромной, с реками крови войны*» [9, с. 647]. В повести

«Десятый класс» писатель обратил внимание на факты лакировки действительности в прессе при освещении военных действий 1944 г. Герой этой повести Гриша Ладутенко, списанный из армии, также возвращается домой в подавленном настроении, ведь война разрушительно повлияла на мироощущение молодого человека. А. Мартинович отметил, что «за названием “Десятый класс” скрывается и более широкий смысл» [3, с. 8]. Последний класс для Гриши Ладутенко – это своеобразное вхождение в послевоенную действительность и выживание в условиях, приближенных к экстремальным. Произведение заканчивается на оптимистично-символической ноте. Гриша спасает школьников от взрыва гранаты, жизнь продолжается: «Судьба дала Грише Ладутенко, пожалуй, окончательную карту на жизнь, на все то, что есть в этой жизни: черное и белое, горькое и сладкое» [9, с. 628].

В произведении «Помни Сталинград» писатель показал хаотичность военной ситуации в окружении, панику людей при погрузке на понтоны, неподготовленность молодых пехотинцев, изобразил аморальные действия и предательство командиров по отношению к солдатам во время прорыва на фронте: «Самое страшное, что командир полка, весь штаб исчезли в неизвестном направлении. Это позор. Называется – командиры. Завели солдат в ловушку, а сами сбежали» [9, с. 637].

Прозаик подытоживает пережитое, переосмысленное, и в результате военных и послевоенных временные слои произведений «Гостиница над Припятью» и «Любимый город» сливаются, продолжают друг друга, они не имеют категорического разграничения. В повести «Гостиница над Припятью» подчеркнуто, что и через несколько десятилетий после войны не уменьшилось случаев несправедливого обращения с человеком, примеров лицемерия в деятельности средств массовой информации, проявлений халатности в хозяйствовании, в экономике. Ситуация в глубинах жизни государства осталась статичной. Война закончилась, но каким-то образом она словно продолжается. В анкетах нужно писать, был ли в плену, окружении, оккупации, чем занимался. Оперуполномоченные соответствующих служб остро интересуются этими вопросами («Любимый город»). Арест отца поставил Андрея Ивашко («Гостиница над Припятью») перед выбором «правильной» записи в анкете; после войны в ситуации лакировки фактов и отсутствия свободы во время работы в редакции газеты перед Василем Войтиком («Любимый город») также встает аналогичная проблема «правильного» выбора. В повести «Помни Сталинград» И. Науменко продолжил показ действий представителей «Смерша»: поиск врагов и вербовку людей на службу в органы государственной безопасности с карательными функциями.

Одновременно прозаик вывел на первый план юношу Ивана Дрозда как сознательного, рассудительного человека, который способен давать оценку любой ситуации и в критических обстоятельствах делать моральный выбор. Анализируя особенности психологии солдат на войне, российский специалист в области военно-исторической антропологии А. Сенявская подчеркнула, что у воинов царил «целый комплекс мыслей и чувств, сложный психологический настрой» [14, с. 181], который мог вести к разрушению психических норм и трагедиям.

Повести «Юность», «Гостиница над Припятью», «Любимый город», «Десятый класс», «Помни Сталинград» соединены рядом мотивов, традиционных для писателя, чья юность была пожертвована войне (столкновение наивного школьника с войной, потеря иллюзий советским юношей, его верность идеалам честности, дружбы, самоотверженного трудолюбия, любопытство ко всему новому и незнакомому, а также к истории собственной страны, где прошла жизнь). Принцип автобиографизма как авторская стратегия позволил писателю точно отразить проявления и позитивного, и негативного в прошлом, и эта общезначимая правда советского времени обеспечивает новаторское содержание рассмотренных произведений И. Науменко. Автор стремился подчеркнуть индивидуальность человека из толпы на фоне доминирующего внимания к народу как массе. В повести «Помни Сталинград» прозаик продолжил показ вербовки людей на службу в карательные органы, поиск врагов. Одновременно писатель создал образ сознательной, способной к правильному нравственному выбору личности. В творческом наследии автора прослеживается мотив поиска назначения человека. И. Науменко утверждал, что для этого нужно начать с себя, с честного осмысления собственного жизненного пути. Писатель провел параллели между временными слоями – военным прошлым и настоящим – и предостерег человека от опасности измены себе и своим истокам.

Заключение. Таким образом, жанр повести в творчестве И. Науменко периода 1990-х гг. сохранил традиционную для писателя сюжетно-композиционную модель автобиографического повествовательного образа. Трилогия повестей «Детство», «Подросток», «Юность», а также произведения «Гостиница над Припятью», «Любимый город», «Десятый класс», «Помни Сталинград» соединены рядом мотивов, традиционных для писателя, чья юность была пожертвована войне. Это такие мотивы, как столкновение наивного школьника с войной, потеря иллюзий советским юношей, его верность идеалам честности, дружбы, самоотверженного трудолюбия, любопытства ко всему новому и незнакомому, а также к истории собственной страны и государства, где прошла жизнь. Принцип автобиографизма как авторская стратегия позволил точно отразить проявления и позитивного, и негативного в прошлом, что стало признаком новаторства содержания рассмотренных произведений И. Науменко. На фоне доминирующего внимания к народу как массе автор стремился подчеркнуть индивидуальность человека: показать образ сознательной рассудительной личности, которая способна давать оценку любой ситуации и в критических обстоятельствах делать моральный выбор. Соответственно, в творчестве прозаика 1990-х гг. доминантным остался мотив поиска назначения человека в различные исторические эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Науменка І. Мае героі былі рамантыкамі: Стэнаграма размовы з народным пісьменнікам Беларусі Іванам Навуменкам у БДУ // Беларускае літаратуразнаўства: нав.-метад. зб. / рэдкал.: Л.Д. Сінькова (старш.). – Мінск, 2008. – Вып. 6. – С. 115–124.

2. Каваленка М.А. Беларускія пісьменнікі-лаўрэаты. – Мінск: Дзярж. бібл., 1987. – 310 с.
3. Марціновіч А. З вышыні пражытага: Штрыхі да творчага партрэта І. Навуменкі // Роднае слова. – 2000. – № 2. – С 4–8.
4. Алейнік Л. Канцэпцыя станаўлення асобы ў трылогіях І. Навуменкі «Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва» і Л. Талстога «Детство. Отрочество. Юность» [Электронны ресурс] // Livejournal. – 2010. – URL: <https://lit-krytyka.livejournal.com> (дата абращения: 28.11.2024).
5. Сінькова Л.Д. Размаўляючы з Іванам Навуменкам // Творчая асоба І. Навуменкі і праблемы беларускай філалогіі і адукацыі: зб. нав. арт. / рэдкал.: Т.І. Шамякіна (старш.). – Мінск, 2006. – С. 75–85.
6. Сінькова Л.Д. Творчасць Івана Навуменкі ў люстэрку ідэй «страчанага пакалення» [Электронны ресурс] // Кампаратывістыка. Публікацыі. – 2015. – URL: <http://lsinkova.by/творчасць-івана-навуменкі-ў-люстэрку> (дата абращения: 29.11.2024).
7. Тычына М. Народ і вайна / М. Тычына. – Мінск: Белар. навука, 2015. – 433 с.
8. Шаладонаў І. Станаўленне чалавека ў мастацкай прасторы часу аповесцяў І. Навуменкі «Дзяцінства», «Падлетак», «Юнацтва» // Творчасць Івана Навуменкі: славянскі, еўрапейскі, сусветны кантэкст: рэсп. нав. канф. да 85-годдзя з дня нараджэння народнага пісьменніка Беларусі акадэміка І. Я. Навуменкі, Мінск, 16 лют. 2010 г. / НАН Беларусі, Інстытут мовы і літаратуры; рэдкал.: С.С. Лаўшук (гал. рэд.). – Мінск, 2010. – С. 436–441.
9. Навуменка І. Збор твораў: у 10 т. – Мінск: Маст. літ-ра, 2014. – Т. 4: Аповесці, 1991–2000. – 846 с.
10. Навуменка І. Дзяцінства. Падлетак. Юнацтва: Аповесці: Для дзяцей сярэд. і ст. шк. узросту. – Мінск: Юнацтва, 2000. – 510 с.
11. Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя: у 4 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; рэдкал.: У.В. Гніламёдаў (гал. рэд.). – Мінск: Белар. навука, 1999–2015. – Т. 3: 1941–1965. – 2002. – 952 с.
12. Навуменка І. Давайце верыць у чалавека: гутарка з Іванам Навуменкам. Запісаў Мікола Чэмер // ЛіМ. – 1996. – 19 ліп. – С. 5, 12.
13. Навуменка І. Гасцініца над Прыпяццю: Аповесці і апавяданні. – Мінск: Маст. літ-ра, 1994. – 253 с.
14. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999. – 347 с.

Поступила 10.12.2024

I. NAUMENKO'S MILITARY NOVEL OF THE 1990s: IDEOLOGICAL AND AESTHETIC SEARCHES

T. BAGARADAVA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article reflects the ideological and aesthetic dominants of the stories of the 1990s about the events of the Great Patriotic War in the work of the classic of Belarusian literature I. Naumenko. In the post-soviet reality, from the perspective of a wise man, the writer rethought the military realities. The artist remained faithful to his moral and ethical principles and artistic techniques even in the space of the post-soviet period. His writing style is traditionally dominated by autobiographical moments, which are interspersed with the ideals of the past and attention to the socialization of personality in the changing conditions of historical existence.

Keywords: *'the lost generation', autobiography, psychological origin, elegiac narrative, lyricism, minor.*